

Культура потребления алкогольных напитков и восприятие идеи трезвости в белорусских губерниях в условиях «винной» монополии и «принудительной трезвости» (1897–1917)

С.В. Меньченя

Культура потребления алкоголя включает в себя традиции потребления алкоголя, связанные с ними ритуалы и действия. Изучение данного вопроса имеет важное значение в контексте исследования повседневной жизни общества в конце XIX – начале XX в. Известно, что успех антиалкогольной политики в определенной степени зависел от алкогольных привычек общества, но, в свою очередь, политика оказывала на них существенное влияние, что приводило к изменениям в культуре потребления.

В 1897 г. на территорию белорусских губерний Российской империи – Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилёвской – была распространена государственная «винная» монополия, которая повлекла за собой коренное изменение в системе продажи водки. Последовала ликвидация значительного числа заведений, осуществляющих продажу алкоголя в разлив, и создание системы выносной торговли через сеть государственных «винных» лавок, получивших в народе название «монопольки». Планировалось, что новая система, переместит процесс потребления алкоголя под контроль семьи и сделает его упорядоченным и умеренным. Вместе с этим государство объявило курс на распространение идеи «народной трезвости», которая представлялась именно как умеренное употребление алкогольных напитков. Проводником новой политики стали комитеты Попечительства о народной трезвости. Они должны были осуществлять контроль над проведением реформы, нелегальной торговлей алкоголем, организовывать и популяризировать здоровый досуг населения. Членами комитетов эти задачи воспринимались по-разному. Так, например, князь Николай Мещерский, председатель Люцинского уездного попечительства о народной трезвости Витебской губернии, отмечал, что «главное зло

заключается не столько в злоупотреблении спиртными напитками со стороны населения, сколько от питейных заведений принятого типа с его евреем-сидельцем или смотрителем, цель которого заключается в спаивании посетителя до самозабвения»¹.

С введением «винной» монополии к попечительствам о народной трезвости обратился журнал «Вестник финансов, промышленности и торговли», издаваемый Министерством финансов. Попечителям было предложено регулярно присылать свои наблюдения по следующим вопросам: отношение общественности к реформе (есть ли противники); объём и форма потребления «казённого вина»; заменяется ли чрезмерное и беспорядочное потребление регулярными и упорядоченными покупками; качество спирта и др.² Корреспонденция направлялась из разных уголков империи, что даёт возможность сравнивать традиции и поведение жителей разных регионов, и публиковалась в разделе «Из районов винной монополии» анонимно, но с указанием населенного пункта и региона.

Корреспонденция из белорусских губерний лишь в некоторых случаях отличалась определением результатов реформы. Так, по Минской губернии из местечка Брагин сообщали, что «пьянство значительно уменьшилось», из Игумена, что «употребление вина не уменьшилось, но снизилась преступность», из Речицы, что «пьянство не уменьшилось, так как расстояние между торговыми точками уменьшилось»³. Более подробную информацию можно найти в донесениях уездных попечительств губернатору. В 1898 г. об успехах реформы и уменьшении пьянства сообщали из Речицкого и Борисовского уездов. Предводитель дворянства Мозырского уезда некоторое снижение пьянства связывал только с повышением цены на водку. Из Слуцкого уезда сообщалось, что до монополии особого пьянства не наблюдалось, но, по словам священников, население стало меньше пить и чаще посещать церковь. В Пинском уезде за год существования монополии пьянство уменьшилось, но люди начали пить на улицах, в самом Пинске ситуация не изменилась из-за

¹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

² НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.

³ НИАБ. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 2. Л. 40–46.

значительного количества монополек и трактиров. В Новоградском уезде пьянство не только не уменьшилось, но даже расширилось. Из Минска и Минского уезда поступило три разных сообщения. Надзиратель Минской акцизной управы сообщил, что пьянство в уезде значительно уменьшилось, а Минский уездный предводитель дворянства доложил, что пьянство уменьшилось только в первом полугодии с момента введения монополии из-за резкого снижения числа торговых точек. В Минске, по донесению полицмейстера, действие монополии было незаметным¹.

Из отчёта члена Могилевского уездного комитета следует, что «население относится к реформе по-разному: одни говорят, что водка лучше и нет обмана по деньгам, а другие, что готовы платить лишнюю копейку, но пить в тепле, да в помещении, в лавку не пускают, а по улицам городской гоняет – и порядочному человеку выпить негде... Ещё до открытия лавки толпа собирается у дверей и ждёт момент, когда станет возможным, по их словам, “причаститься”»².

В целом же, картина вырисовывается следующая – рост уличного пьянства, который был вызван ликвидацией кабаков и организацией продажи водки на вынос. «Культурное» потребление – дома и с закусками – не получило распространения. Напротив, пьянство вышло из кабаков и стало доступным, и тем более заметным для большинства слоёв населения. По меткому выражению Вацлава Ластовского, «пришло время астрономов»: пили на улицах из горла, подняв голову, как бы глядя в небо³.

Упразднение традиционной корчмы привело к существенным изменениям в традициях употребления алкоголя. Корчма была не только питейным заведением, но и местом встреч, досуга взрослых мужчин. Контингент корчмы регулировался системой традиционных социальных и семейных отношений, ограничивавшей доступ к водке женщин, молодежи и детей. Новая система сняла эти ограничения для первых двух категорий. Кроме прямого вреда для человека, употребляющего алкоголь, уличное пьянство несло в себе ещё одну угрозу – делало употребление алкоголя открытым, видимым

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6495. Л. 3–6, 10, 11, 15, 26, 27, 30.

² НИАБ. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 15об.

³ Наша ніва. 1914. № 17. С. 1–2.

для окружающих, увеличивая шансы встречи, не всегда приятной, с пьяным человеком. Многие источники также сообщают о распространении пьянства среди детей, и в большинстве случаев водку они пробовали дома благодаря родителям. Так, «Вестник Виленского Свято-Духового братства» сообщал, что один из преподавателей провёл опрос среди учащихся, пили ли они водку перед поступлением в школу. Результаты оказались следующими: 35 из 46 дали положительный ответ, 8 из них выпили добровольно, 23 – по принуждению взрослых, 4 – вследствие обмана со стороны взрослых¹.

Тем не менее, были и положительные моменты. Описывая прежние привычки населения, респондент из села Великий Рожин Минской губернии отметил существовавший в XIX в. обычай «пить на чёрного вола»: «Полешук придет в корчму, начнёт пить и не уйдет, пока не пропёт один или с кумом вола»². Новая система запрещала продажу водки не за наличный расчёт и в кредит и не позволяла развернуться до такой степени.

Если при анализе корреспонденции необходимо учитывать субъективный фактор, то конкретные цифры позволяют лучше оценить ситуацию. Данные об уровне потребления алкоголя в белорусских губерниях в первые годы реформы приводит М. Григорьев на страницах «Вестника трезвости» (см. табл. 1). Согласно им уровень употребления алкоголя возрос, однако следует сделать поправку на усиление контроля и улучшение системы учёта. В то же время, согласно официальной статистике, уровень потребления алкоголя на душу населения в белорусских губерниях был ниже, чем в среднем по империи. Согласно данным Министерства финансов с 1897 по 1900 гг. этот показатель увеличился с 0,5 до 0,52 ведра* на душу населения³.

¹ Школы в борьбе с алкоголизмом // Могилёвские епархиальные ведомости. 1912. № 1. С. 28.

² НИАБ. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.

* Ведро – в Российской империи мера объёма равная 12,3 л.

³ *Зайцева Л.И.* Витте и Россия. Ч. 1: Казенная винная монополия. 1894–1914 (по научным публикациям и архивным материалам конца XIX – начала XX века). М., 2000. С. 295.

Таблица 1

Потребление 40° водки в белорусских губерниях в 1897–1900 гг.¹

Губернии	За 1897–1899 гг. на душу в вёдрах	За 1900 г.	
		количество употреблённой водки	на душу населения
		в вёдрах	
Виленская	0,34	606 630	0,35
Витебская	0,37	620 549	0,39
Гродненская	0,37	655 676	0,42
Минская	0,43	989 300	0,43
Могилёвская	0,41	749 551	0,41
Всего	0,38	3 621 706	0,4

Таблица 2

Потребление алкогольных напитков на душу населения в 1907–1913 гг.
(в литрах абсолютного спирта)².

Губерния	1907 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Виленская	1,7	1,62	1,67	1,77
Витебская	1,86	1,82	2,02	2,21
Гродненская	2,0	1,82	1,97	2,16
Могилёвская	2,02	1,82	2,07	2,31
Минская	1,98	2,02	2,12	2,21
Средний показатель по региону	1,91	1,82	1,97	2,13
Средний показатель по Российской империи	3,1	2,76	2,85	3,25

¹ Сведения о количестве потреблённого вина в 40° за 1900 и предшествовавшие года // Вестн. трезвости. 1903. № 97. С. 39.

² Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость. Минск: Наука и техника, 1988. С. 21.

В своей монографии «В борьбе за трезвость» Т. Протько также приводит данные о душевом потреблении алкоголя как в империи в целом, так и в белорусских губерниях (см. табл. 2). В качестве системы измерения здесь используется значение «литр абсолютного спирта», что будет соответствовать 2,5 литра, или примерно 0,2 ведра 40° водки. При сравнении этих данных с данными Минфина видно их расхождение. Так, цифра на 1907 г. в стране по данным Министерства финансов составляла 0,59 ведра, а по Т. Протько – 3,1 л, или 0,252 ведра безводного спирта, или 0,63 ведра 40° водки. Возможно, это связано с тем, что Т. Протько учитывала не только водку, но и другие алкогольные напитки. Однако, по каким именно позициям вёлся подсчёт, неизвестно.

Таким образом, за годы «винной» монополии в белорусских губерниях, как и в целом по империи, сохранялась тенденция к росту употребления алкоголя, но сам уровень потребления, по сравнению с другими регионами Российской империи, был достаточно низким. Исследователь В. Дмитриев в 1911 г. отмечал, что для литовского и белорусского населения характерно умеренное употребление алкогольных напитков. При этом немалую роль играл и конфессиональный фактор – при одинаковом экономическом положении католики пили меньше, чем православные¹. Это косвенно подтверждается и статистикой. Именно в Виленской и Гродненской губерниях, где проживало значительное количество католиков, уровень потребления алкоголя был ниже.

Уровень потребления алкоголя сельским и городским населением также существенно различался. В белорусских губерниях этот показатель составлял 0,24 и 0,94 ведра 40° водки, что соответствует 1,18 и 4,62 л безводного спирта. В среднем по империи – 0,41 и 1,37 ведра (2,02 и 6,74 л) в сельской местности и городах соответственно².

Тот факт, что вопрос роста пьянства был острее в городах, где уровень потребления отличался от сельского почти в четыре раза, можно объяснить тем, что в сельской местности подавляющее большинство, за исключением маргинальных элементов, употребляло

¹ Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М.: Русская панорама, 2001. С. 113.

² Протько Т.С. В борьбе за трезвость. С. 21.

алкоголь в праздничные дни и по случаю знаменательных событий. Ежедневное пьянство было невозможно из-за необходимости ведения хозяйства и отсутствия средств. Перед крестьянином, особенно в период активной хозяйственной работы, не вставала проблема досуга из-за отсутствия последнего. Горожане и жители местечек, особенно из пролетарской среды, часто были лишены бытовых забот, а доступность водки и отсутствие возможности дёшево провести свободное время способствовали росту употребления алкоголя. В городской среде часто отсутствовали социальные или семейные ограничения, авторитет отца-патриарха в условиях малой семьи, преобладавшей в городах, не действовал. Алкоголь здесь употребляли чаще, но в селе разовая доза была значительно выше. К сельскому населению Беларуси в этот период можно применить термин «ритуальное потребление»¹.

Народное творчество свидетельствует о том, что в крестьянской среде употребление водки само по себе не считалось грехом. В сказке «Водка», опубликованной под редакцией Сергея Полуяна (1890–1910), мужик попал в затруднительное положение и пошёл в лес, чтобы повеситься, но по дороге встретил чёрта, который одолжил ему денег. Когда пришло время расплаты, чёрт сказал, что мужик может не отдавать деньги, если он убьёт человека, соблазнит девушку или выпьет водки. Мужик попросил совета у жены. Жена ответила, что «убить человека – страшный грех, соблазнить девушку – грех и позор перед соседями, пить водку – пустяк», и сама дала ему денег на водку. История закончилась трагически – напившись, мужчина изнасиловал соседскую девушку, а затем убил её. Водка, которая сама по себе не считалась грехом, стала началом всех прочих².

Греховное происхождение водки, связанное с чёртом, раскрывается и в рассказе Михалки Галки «Чёртово зелье». После того, как человек отведал неизвестного напитка, «как-то немного запекло, сразу стало тепло, ещё выпил – и в голове будто все колёсики пришли в движение.

¹ Мяньючэня С.В. «Рытуальнае» спажыванне гарэлкі ў беларускім грамадстве ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя // Учёные записки УО Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. 2020. Т. 32. С. 49–52.

² Наша ніва. 1910. № 3. С. 5.

– Вот как! – удивленно сказал мужик.

– Да, водка, – подхватил, не слушая, чёрт, – пусть водкой называется»¹.

Дальнейший сюжет аналогичен предыдущему рассказу.

Сочувствие в обществе вызывали и «тихие» пьяницы, не совершавшие противоправных действий. В марте 1913 г. в селе Маковичи Минского уезда повесился крестьянин Антось П. Причиной этого было то, что, «когда он напивался, жена давала ему такого жара, что хоть живым в землю лезь». Смерть вызвала сочувствие односельчан: «всем жалко покойника»². Иначе относились к злостным пьяницам, которые разрушали свои хозяйства, а иногда и покушались на владения соседей. У сельской общины здесь было два варианта: запретительные приговоры, выносимые на волостном собрании, и личное наказание в виде исключения из общины³.

Алкоголь присутствовал в обрядах, связанных с празднованием важных моментов жизни – от крещения до погребения – где не обходилось без праздничного стола. Значительное количество водки выпивалось на свадьбах. Не обходился без водки и процесс отправки сватов. В комедии К. Каганца (1868–1918) «Модны шляхтюк» (1910) Якуб, сват Франтишка, не мог взяться за дело и стыдился, потому что пришел к отцу Анны без бутылки, а тот угостил его сам. То, что будущий жених сам не пришёл и запретил приносить водку, сват называет «модой», на что хозяин отвечает: «Мода – модой, а обычай – дело святое»⁴. Корреспондент «Нашей Нивы» Старый дед Михась отмечал привычки жителей деревни Здитово (Слонимский уезд): «Запоины – после сватовства, стоят от 10 до 20 рублей. Свадьбы празднуют три-четыре дня, а иногда и неделю, при этом день и ночь попивая окаянное зелье. Расходы – для мужика со средним достатком – 30–40 руб., для состоятельного – 80–100 руб.»⁵.

¹ Наша ніва. 1914. № 43. С. 2.

² Наша ніва. 1913. № 12. С. 4.

³ *Мяньчэня С.В.* Пастановы сельскіх сходаў беларускіх губерняў аб абмежаванні п'янства у канцы XIX – пачатку XX стст.: механізм дзеяння і праблема інтэрпрэтацыі // *Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе.* Пинск: ПолесГУ, 2019. Вып. 4. С. 133.

⁴ *Каганец Карусь.* Творы. Мінск: Маст. літ., 1979. С. 156.

⁵ Наша ніва. 1913. № 23. С. 2.

С учётом домашнего хозяйства почти вся сумма уходила на алкоголь. На Лепельщине (Витебская губерния) хозяин средней руки закупал на свадьбу 6 вёдер водки, такая свадьба – «з гукам» – позволяла угостить всех желающих¹. В селе Ставок (Пинский уезд) в 1908 г. «в приходе было около 49 свадеб. По этой причине мужики пили около месяца, чуть не до “вырве назад”, как говорится»².

Попытки ограничить продолжительность свадеб успеха не имели. «Гродненские епархиальные ведомости» сообщали, что в одном из приходов молодой священник организовал собрание по ограничению пьянства, на котором было решено, что свадьба должна праздноваться всего два дня. Тем, кто нарушит постановление, придётся заплатить штраф в размере 5 руб. Эту сумму планировалось отдавать священнику в качестве залога при венчании. Прихожане единогласно согласились, но, когда пришло время свадеб, одни не хотели давать денег, ожидая, что кто-то подаст пример, а другие утверждали, что первые не платили³.

Традицию угощать водкой на похоронах поддерживали не только крестьяне. В 1913 г. на похоронах помещика Володковича под Радашковичами его сыновья приказали раздавать людям водки «сколько кто хочет». Дело кончилось смертью одного крестьянина, другого едва удалось спасти⁴. В селе Великие Канюшаны (Лидский уезд) «мужики, хороня умерших, пропивают много денег, как на свадьбе, а думать о враче, чтобы лечить больных, никто не хочет, говорят, дорого будет стоить»⁵. Крестьянин Никита Хват, бывший работник священника Е.П., ответил на предложение последнего не покупать водку и пиво на похороны матери: «А як батюшкова маты померлы, то кулько горилкы и пыва переносив я от Гривца за три дни? А кулько еще вина брали с погребца?! Правда, дешевша тогда была горилка, а всетаки рубль на пятьдесят

¹ *Пицёлко А.Р.* Очерки и рассказы из жизни белорусской деревни. Вильно: Типография «Русский почин», 1906. С. 189.

² *Наша ніва.* 1908. № 31. С. 7.

³ *Свяцц.* N.N. Благое начинание и печальный конец // Гродн. епарх. ведомости. 1912. № 16/17. С. 177–178.

⁴ *Наша ніва.* 1913. № 11. С. 3.

⁵ *Наша ніва.* 1908. № 6. С. 6.

выпили тогда разных напитков. То як-же ж мужыку без горилки обыйтись?!»¹.

Подобные мысли высказывает и герой произведения этнографа и публициста А. Пщёлки «Микитовы хаутуры»* Семён, которому священник выговаривает за покупку водки на похороны отца: «Любит наш брат горелку. Да што поделаешь? За гроши нанимать – каждому стыдно суседа хоронить, альбо яму копать... А без горелки горло пересохнет, и топор из рук вывалицца. Ведомое дело: и сила от горелки приходиться... и так в компанействе работа веселей!»².

Употребление алкоголя было частью процесса общения, водку часто употребляли коллективно – на толоке, ярмарках, во время волостных сходов.

Один из лидеров трезвенного движения в Российской империи Д. Булгаковский (1843 – после 1918), долгое время служивший священником на территории Беларуси, в одном из своих докладов сообщал: «Весьма распространён также между духовенством обычай приглашать прихожан в один из праздничных или воскресных дней на так называемую “помочь”: на жниво, покос, молотьбу. Помочан, обыкновенно, священник угощает вином, конечно и сам выпивает при этом случае. Не пить, угощая, не принято»³.

Интересная традиция наблюдалась в деревне Присёлки (Минский уезд): «Как только наступит какой праздник, так все соберутся у одного хозяина, садятся к столу, тот выносит кварту – две водки*. На другой праздник переходят к следующему, и так через всю деревню, а если не все собрались на праздник, то утром приходят к завтраку»⁴.

Традиция распития алкоголя на волостных сходах отмечалась повсеместно. Такое собрание описано Я. Коласом в рассказе «Выборщик Андрей» (1907): «Мужики с нетерпением ждали Андрея с

¹ *Е.П.* «Врачу, исцелися сам!» // Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 42. С. 462.

* Хаўтуры (бел.) – похороны.

² *Пщёлко А.Р.* Микитовы хаутуры. Очерк из белорусской жизни. Витебск: Типолиитография П. Подземского, 1910. С. 32.

³ *Скидан В.И.* Народ против пьянства. Минск: Наука и техника, 1988. С. 34.

* Кварта – ¼ гарнеца, от 0,7 до 1 л.

⁴ *Наша ніва.* 1910. № 37. С. 4.

выборов. На третий день, когда Андрей должен был прийти домой, целая толпа мужиков... с трубками высыпала на улицу возле монопольки и загудела, как лес на ветру. А так как делать тут было нечего, тут время от времени слышно было, как сороковки* стучат в крепкой мозолистой руке и как булькает водка, лиясь прямо из бутылки в горло мужика. Были и те, кто уже успел нализаться и пел песни»¹.

У Я. Коласа также есть описание распития водки на ярмарке. Главный герой рассказа «Кірмаш» Пётр видит такую картину: «Ещё большая толпа людей стояла возле дома с вывеской “Казённая винная лавка № 67”. Были тут бабы и мужики. Кто выбивал пробку из кварты, из полкварты, а кто, отворачиваясь от людей, чтобы не смущать их, из маленького крючка**. С двадцать мужижких голов были задраны вверх так, что нос приходился как раз напротив самой середины неба. Кто пил из большой бутылки, держался смело: стоял на самом видном месте, одной рукой подпирал бок и важно тянул водку. А если кто шёл с “буслом”***, перед ним мужики расходились и уступали дорогу, как исправнику»².

Этот отрывок интересен по нескольким причинам. Во-первых, это факт публичного распития водки женщинами. Для традиционных общества это было исключительным явлением. Однако изменения в структуре алкогольной торговли привели к тому, что это не уже не вызывало возмущения и осуждения в массовом сознании. Во-вторых, выраженная градация присутствующих по принципу достатка и тары. Тот, кто мог позволить себе тратить больше денег на алкоголь, держался с достоинством и заслуживал «уважение» окружающих. В связи с этим связан и рост потребления водки крестьянами при избрании на административную должность. В селе Бель Горецкого уезда Могилевской губернии крестьянин Михась В. «человек честный был, в церковь ходил, водки не пил, не курил». После того, как его избрали волостным старшиной, начал пить, но

¹ Колас Якуб. Выбранные творы. Мінск: Кнігазбор, 2007. С. 671.

* Сороковка – 1/40 ведра, 0,3075 л.

** «Крючок» – 1/100 ведра, ≈ 120 г.

*** «Бусел» – тут в значении ¼ ведра, ≈ 3 л.

² Гушча Тарас. Апаведаньня. Вільня: Друкарня «Прамень», 1912. С. 50–51.

никто из соседей не винил его, потому что говорили, что он пил не за свои деньги. Однако за три года старшина пропил так много волостных налогов, что продал 17 десятин земли, лошадей и коров, чтобы расплатиться. После того, как его лишили должности, он бросил пить¹. По сообщению из местечка Лынтупы (Свентянский уезд), «дом старшины при волости, как проходят суды (каждый четверг), превращается в настоящий ресторан – вечером все напиваются до чёртиков»². С этими фактами связан следующий анекдот: «– Пяне, конь заболел, совсем не пьет! – Так изберите его старшиной, и он пить будет!»³.

На употребление алкоголя также влияли различные слухи. В мае 1910 г. Тишка Гартный описал ситуацию в местечке Копыль (Минская губерния) в связи с приближением кометы Галлея и слухами о конце света: «Люди отказывались от всякой работы, дни и ночи проводили в корчмах, но, не дождавшись конца света, распускали слухи, что комета сгорела»⁴. Подобные свидетельства присутствуют и в автобиографической повести В. Дубовки «Лепестки», но относятся они, согласно автору, примерно к 1906 г.: «Будет летать по небу божий ангел, трубить в трубу, призывая на суд всех живых и мертвых. Могилы пооткрываются, все живые и мертвые предстанут перед тем судом... Необузданная человеческая фантазия добавляла в эти рассказы всякие новые подробности, и так понемногу вырисовывалась страшная картина, в которой предусматривался даже цвет неба. У кого была копейка в запасе, тот начал её пропивал.

– Зачем деньги, конец света...

Кому нужно было запахать поле также ссылался на конец света. Словом, разлад был немалый»⁵.

Значительно возросло потребление алкоголя после 1907 г. Некоторые белорусские деятели (Язеп Лёсик, Тишка Гартный) связывали это с своеобразным социальным протестом, вызванным крушением надежд на позитивные изменения в жизни, зародившихся

¹ Наша ніва. 1911. № 27. С. 3.

² Наша ніва. 1914. № 5. С. 3.

³ Наша ніва. 1910. № 49. С. 5.

⁴ Наша ніва. 1910. № 20. С. 3.

⁵ *Дубоўка У.М.* Пялёсткі. Мінск: Маст. літ., 1973. С. 30.

во время революции. Рост пьянства сопровождался расширением азартных игр и ростом социальной напряженности в обществе: «Пока существует такой порядок, где людям нельзя вздохнуть, пока лучи радости сияют только в водке, кабаки не исчезнут, даже если их закроют во всем мире – это бесполезно. Пьянство не в людях и от людей: оно в жизни и от жизни. Не люди плохие, а уклад жизни и общественных отношений. Пьянство и хулиганство последнего времени – это протест против сложившейся ситуации. Дикий это протест, неразумный, но что же сделаешь?»¹.

Важным фактором потребления алкоголя было отношение населения к водке и ее суррогатам. С введением монополии в структуре потребления стала доминировать «казёнка», но рядом с ней распространялись и суррогаты: «брыкаловка», «самотужка», «лякёровка», «шмаковка», «ханжа».

«Самотужка» – одно из названий самогона, возможно, тоже самое, что и «брыкаловка», но последнее, вероятно, с некоторыми добавками для более сильного опьянения. В первые годы «винной» монополии рынок был насыщен качественным легальным алкоголем, это, наряду с усилением контроля над нелегальной продажей, превращало самогонование в опасное и нерентабельное занятие. В полицейских сводках того времени среди нарушений питейного устава преобладали дела о нелегальной торговле и организации притонов для распития алкоголя. Пример подобного правонарушения приводится в уже упомянутом выше рассказе «Микитовы хаутуры». Сын Микиты вечером едет за водкой, для организации похорон своего отца к Мордуху, в прошлом богатейшему трактирщику уезда, потому что монополька уже закрыта. В доме Мордуха пятеро мужчин пьют «казённую» водку. Таким образом Мордух перепродаёт купленную им в монополке водку в неурочный час и предоставляет место для её распития. Доказать факт правонарушения сложно, так как клиенты гарантировано скажут, что пришли в гости и угощают их бесплатно. После недолгих переговоров и прибавления к деньгам мешка овса Мордух соглашается продать «четвертную бутылку» (1/4 ведра ≈ 3 литра). Купленная водка переливается в бочо-

¹ Наша ніва. 1913. № 16–17. С. 1.

нок, чтобы скрыть следы продажи. То, что Мордех торгует водкой, знают все, и все об этом открыто говорят и не видят в этом ничего криминального¹. Отсутствие доносов и осторожность с клиентами позволяют Мордеху продолжать свободно вести свои дела.

Однако в дальнейшем рост цены на водку и повышение спроса привели к изменению структуры правонарушений – на первое место выходит именно производство самогона. Согласно архивным документам и публикациям в прессе, проблема актуализируется с 1911 г. Так, если в 1900 г. в Полоцком уезде было зафиксировано 27 случаев правонарушений, основное количество которых было связано с беспатентной торговлей и распитием в запрещённых местах, в 1912 г. общее число нарушений составило 48, большинство из которых было связано с самогонованием². Местами самогонование становилось коллективным делом. В селе Водопоево (Лепельский уезд) крестьяне купили лес, где устроили тайный винокурный завод. Гнали несколько лет не только для себя, но и на продажу в соседние сёла. Когда дело вскрылось, один из свидетелей был найден мёртвым в лесу. Как сообщала «Наша Ніва»: «Многие жители села, в том числе женщины, были осуждены. Деревня сильно обеднела»³.

«Лякёровка» имела несколько вариантов – она могла быть продуктом перегонки политурного лака, или же водкой, смешанной с питьевым мёдом. Последняя употреблялась с целью более быстрого и сильного опьянения. В корреспонденции из села Великий Рожин в «Вестнике Финансов» сообщалось, что «на свадьбах крестьяне употребляли по 10–12 вёдер сивухи, теперь – 2–3 ведра, остальное заменяют покупным мёдом, который смешивают с водкой, чтоб быстрее давало в голову»⁴.

Подробно процесс перегонки политурного лака и эффект от него описан в рассказе А. Пщёлки «Самогонщики». Оборудование состояло из котла и холодильной камеры: «в крышке котла небольшое отверстие. В последнее вставляется коленчатая трубка. Трубка

¹ Пщёлка А.Р. Микитовы хаутуры. С. 13, 33.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 44364, 47995, 48236.

³ Наша ніва. 1914. №. 7. С. 3.

⁴ НИАБ. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.

эта оканчивается небольшим сосудом без дна с двумя стенками с промежутком величиной с палец. Сосуд этот погружает Кондраш в ведёрко с холодной водой. Маленькая трубочка проведена из ведёрка наружу... из этой трубочки и течёт водка, а в котле остаётся твёрдая масса»¹.

За одну выгонку такой аппарат позволял перегнать два гарнца лака, что соответствовало $\frac{1}{2}$ ведра или примерно 6,15 л. Качество и производительность зависели от поддержания температурного режима – «огонёк держать слабенький». Для очищения от примесей и улучшения запаха использовали хлеб, через который прогоняли спирт, но при нарушении технологии спирт оставался в хлебе. Так один из самогонщиков получил пять буханок хлеба со спиртом и пригласил соседей на угощение. Эффект был сильный – у одного «тлум в голове», у другого «зудуть ноги». В результате все «повалились как дрова» [7, с. 30]. Получившийся продукт имел запах лака, но пользовался популярностью из-за дешевизны сырья и простой технологии: «про монопольку забылися... теперь не только корчмари, но и бабы умеють гнать... веселле* можно с 10 вёдрами справиться... крепость какую хочешь сделаем»².

В сообщении надзирателя второго уезда управляющему Акцизными сборами Витебской губернии от 15 декабря 1907 г. за № 5430 отмечалось, что после того, как акциз на политульный лак был снижен с 6,5 до 2 копеек, в Полоцк за год было ввезено более 3304 пудов политуры против 95 пудов в 1905 г. С повышением поставок был связан рост потребления политульного лака, причём не только путем перегонки, но и в чистом виде (для осаждения смолистых веществ использовали соль). От данного напитка не только пьянели, но и «зверели» – несколько человек сошли с ума и были отправлены в соответствующие учреждения³.

«Шмаковкой» в Двинском, Режицком и Люцинском уездах Витебской губернии называли крепкий напиток, приготовленный на

¹ *Пицёлко А.Р.* Очерки и рассказы из жизни белорусской деревни: сб. 2. Витебск: Типолитография наследников М.Б. Неймана, 1910. С. 31.

* Вяселле (бел.) – свадьба.

² *Пицёлко А.Р.* Очерки и рассказы из жизни белорусской деревни: сб. 2... С. 29, 30.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47995.Л. 20, 21.

основе браги, но в некоторых документах Люцинского уезда под этим названием фигурирует крепкое пиво с различными добавками: «до введения монополии варили пиво для собственного потребления в праздничные дни, а сейчас наблюдается повседневное потребление пива, которое варится крепким и одурманивающим, чтобы заменить казённое вино»¹.

Название «ханжа» использовалось для обозначения денатурированного спирта. При «винной» монополии этот напиток у пьющих особым уважением не пользовался. В 1913 г. в Мстиславском уезде хозяева поставили «ханжу» на свадебный стол, что вызвало протест гостей, которые отказались пить, «а самый заядлый пьяница говорил, что если не уберут со столов, то он разобьёт бутылки и убежит»².

Однако исчезновением «казёнки» в 1914 г., в связи с переходом к политике «принудительной трезвости», эти напитки стали занимать её место. Ситуация с самогонварением в 1915–1916 гг. постепенно выходила из-под контроля властей. Помимо мер «принудительной трезвости» этому способствовало установление твёрдых цен на хлеб. Нелегальные винокурни начинают фиксироваться не только в отдалённых сельских районах, но и в городах. 16 марта 1916 г. при обыске дома витебского мещанина Ивана Тимофеева под полом была обнаружена замаскированная комната, две кадки браги, около пяти фунтов солода и переделанный из самовара самогонный аппарат. Несмотря на показания Тимофеева о том, что он гнал самогон только для личных нужд – свадьбы дочери, ему грозили три месяца ареста, а затем высылка³. В сельской местности ситуация с раскрытием случаев незаконной реализации алкогольной продукции была еще хуже. Успех таких дел зависел от показаний свидетелей. А вот в деревне, когда торговцев было не много и они были знакомы покупателям, заявления писали то ли люди обиженные, то ли случайно попавшие в компанию.

С введением «принудительной трезвости» перестали действовать традиционные механизмы, связанные с употреблением алко-

¹ НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 81.

² Наша ніва. 1913. № 6. С. 4.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49977. Л. 1, 15.

голя, что по-разному воспринималось населением. Процесс осознания нового порядка хорошо отражен в рассказе Язэпа Гаротного «Браварнічы»*, герой которого сталкивается с отсутствием водки накануне празднования для поминовения умерших (Дедов): «Всегда праздник проходил в обычном порядке... Деньги собираются. Несут попу; он отслуживает “закупную” службу. Молятся за умерших. Потом... Пьют по рюмке – опять за мёртвых. Закусывают и пьют. Халимон – хотя он и не горький пьяница – впервые в жизни почувствовал, как дорога ему рюмка водки»¹. Часть населения приветствовала эти изменения, отдельные личности не смогли к ним приспособиться, были даже случаи самоубийств. В октябре 1914 г. в Слуцке повесился 50-летний житель, потому что «не мог достать водки, к которой очень привык»². Но уровень нелегальной торговли и самогонарения показывает, что значительная часть населения нашла возможность добывать спиртное.

Традиции «ритуального» употребления алкоголя и относительно низкий уровень самого потребления повлияли на отношение населения белорусских губерний к идеям абсолютной трезвости. В то время как интеллигенция и церковь (католическая и православная) призывали к искоренению народного пьянства, видя в этом путь одни к национальному возрождению, другие – к консервации социального строя и укреплению верноподданничества, основная часть населения придерживалась идеи умеренного потребления. Несмотря на сильную теоретическую основу, уровень институционализации обществ трезвости на территории белорусских губерний был довольно низким.

«Наша Ніва» в 1908 г. сообщала о попытке учредить общество трезвости в местечке Малеч Пружанского уезда: «3 года тому назад батюшка от своего прихода взял присягу не пить водку, мужики продержались две недели и сорвались». Когда проект провалился, местные жители на собрании решили запретить продажу (имеется в виду беспатентную) и направить штраф за несоблюдение в пользу общины»³.

¹ Наша ніва. 1914. № 45. С. 3.

* Браварнічы (бел.) – винокур.

² Наша ніва. 1914. № 39. С. 3.

³ Наша ніва. 1908. № 9. С. 5–6.

А. Афанасьев указывает 31 общество трезвости в пяти белорусских губерниях на 1 января 1911 г., охватывающее 1400 человек. Распределение обществ по губерниям, а также их характер можно отметить по табл. 3.

Таблица 3

Общества трезвости на 1 января 1911 г.¹

Губерния	Общая численность	Городские	Сельские	Церковные	Количество членов
Виленская	8	3	5	8	377
Витебская	6	1	5	6	231
Гродненская	8	3	5	8	646
Минская	6	–	6	6	>60
Могилёвская	3	1	2	3	>86
Всего	31	8	23	31	1400

По сравнению с другими регионами империи количество обществ трезвости в белорусских губерниях было наименьшим, а общее число их участников было ниже, чем в губерниях Центрально-Черноземной и Центрально-Нечерноземной областей России, кроме Тульской губернии – 672 человека.

На основании материалов И. Мордвинова в 1911 г. на территории современной Беларуси находилось 16 обществ трезвости, одно из которых находилось в процессе формирования. При этом некоторые общества придерживались принципов умеренного употребления алкоголя или полного воздержания от него только во время Великого поста².

Для привлечения населения в общества трезвости агроном В. Бруновский в письме епископу Минскому Митрофану предло-

¹ Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества // Электронная библиотека «Твереза литература» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.literatura.tvereza.info/01/Afanasiyev/td1907-1914.html>. (дата обращения: 27.12.2021).

² Мордвинов И. Общество трезвости, жизнь и работа в нём. СПб.: Тип. Александро-Невского о-ва Трезвости, 1911. 225 с.

жил заменить пункт 3 Устава Общества трезвости при Оршанской соборной Воскресенской церкви, который был определен как типичный для Минской губернии. Первоначальная версия: «не будет пить вина, водки, пива и вообще ничего хмельного» на «даёт клятвенное обещание перед Господом Богом, что всеми мерами и силами и всем своим помыслом будет воздерживаться от потребления напитков, опьяняющих тело, поганящих душу, твёрдо памятуя, что пьяницы Царства Божия не наследуют и что в одной рюмочке есть зло»¹. Эта мера объяснялась тем, что крестьяне не желают вступать в общества из-за категорической клятвы не брать в рот спиртного.

В 1914 г. жители местечка Горки объясняли свое отношение к местному обществу трезвости следующим образом: «Спрашивали, почему не записываются, отвечали – без водки жить нельзя, её надо пить на крестинах, поминках, похоронах, барышах, крестных ходах и в иной раз купив или продав что-либо. Другие говорят – если не пить водку – то всем. Тогда и производить её не нужно»².

Культура потребления алкоголя при «винной» монополии ознаменовалась коренными изменениями: доминирование выносной торговли способствовало росту уличного пьянства. Это привело к спаиванию населения – потреблению без закусок, доступность водки в мелкой таре сделало употребление алкоголя открытым процессом. В то же время уменьшилось влияние традиционных регуляторов – социального и семейного контроля, что привело к распространению пьянства среди молодёжи, женщин и подростков. Сельское население потребляло меньше алкоголя, чем городское, что было обусловлено традиционным образом жизни, патриархальными отношениями, повседневными домашними делами. Дальнейший прирост городского населения был отмечен повышением уровня потребления алкоголя. Способствовало росту пьянства и традиционное отношение к алкоголю, когда население не воспринимало вред от умеренного употребления алкоголя. К другим причинам роста пьянства можно отнести тяжелое экономическое

¹ Бруновский В.Х. Согласие против пьянства и агрономическая помощь сельскому населению Минской губернии. Минск: Электротипография С.А. Некрасова, 1914. С. 8.

² Наша ніва. 1914. № 5. С. 4.

положение и неуверенность в завтрашнем дне из-за социально-экономической и политической ситуации. В то же время уровень потребления алкоголя в белорусских губерниях был значительно ниже, чем в среднем по Российской империи. Что же касается идеи трезвости как полного отказа от алкоголя, то она населением была встречена достаточно прохладно по причине бытовавших традиций «ритуального» потребления и отсутствия осознания пьянства как социального явления.